

ПАМЯТИ КАТАЛОНИИ

Не отвечай глупому по глупости его, чтобы и тебе
Не сделаться подобным ему;
Но отвечай глупому по глупости его, чтобы он не стал
Мудрецом в глазах своих.

Притч. 26 : 4–5

Глава 1

В Барселоне, за день до записи в ополчение, я встретил в Ленинских казармах одного итальянца, бойца ополчения, он стоял у офицерского планшетного стола.

Это был молодой человек лет двадцати пяти — двадцати шести, крепкого сложения, широкоплечий и рыжеволосый. Кожаную кепку он лихо заломил набекрень. Молодой человек стоял ко мне в профиль и, уткнувшись подбородком в грудь, взирал с озабоченным видом на карту, развернутую одним из офицеров на столе. Что-то в его лице глубоко тронуло меня. Это было лицо человека, способного убить и в то же время отдать жизнь за друга? — такое лицо увидишь скорее у анархиста, хотя молодой человек наверняка был коммунистом. В его лице сочетались искренняя доброжелательность и жестокость, и еще благоговение, какое безграмотные люди испытывают перед теми, кто, по их представлению, стоит выше. Было видно, что он не умеет читать карту и считает подобное умение величайшим умственным достижением. Не знаю почему, но я мгновенно почувствовал к нему расположение, что случается очень редко — в отношении мужчин, я имею в виду. В разговоре, который велся у стола, кто-

то упомянул, что я иностранец. Итальянец поднял голову и быстро произнес:

— *Italiano?*

— *No, Inglés. Y tu?** — ответил я на скверном испанском.

— *Italiano.*

Когда мы выходили, он прошел через всю комнату и крепко пожал мне руку. Удивительно, какое чувство близости можно испытывать к незнакомцу! Словно наши души, мгновенно преодолев языковые и национальные барьеры, установили тесную близость. Надеюсь, я ему тоже понравился. Но мне было понятно: чтобы удержать первое впечатление, я не должен его видеть снова. Стоит ли говорить, что мы больше никогда не встречались. Такие краткие встречи типичны для Испании.

Я упомянул этого ополченца, потому что он особенно живо запечатлелся в моей памяти. Его потрепанная форма, страстное, трагическое лицо олицетворяют для меня характерную атмосферу того военного времени. Этот образ связывает мои воспоминания о том этапе войны — красные флаги на улицах Барселоны; мрачные, медленно ползущие поезда, набитые солдатами в поношенных униформах; серые, разрушенные войной города вблизи линии фронта; утопающие в грязи и холодные как лед окопы в горах.

Эта встреча состоялась в конце декабря 1936 года, с тех пор прошло меньше семи месяцев, но кажется,

---

* — Итальянец?

— Нет, англичанин. А ты? (*исп.*) — Здесь и далее, кроме особо оговоренных случаев, *примеч. пер.*

она была в другой жизни. Последующие события изгладили из памяти то время больше, чем, к примеру, 1935 год или 1905-й. Я приехал в Испанию всего лишь с целью писать обзоры в газету, но почти сразу же вступил в ополчение: в обстановке того времени это казалось единственно возможным поступком. Власть в Каталонии принадлежала анархистам, и революция по-прежнему была в разгаре. Тем, кто находился здесь с самого начала, могло показаться, даже в декабре или в январе, что революционный период заканчивается, но человека, только что приехавшего из Англии, вид Барселоны потрясал и ошеломлял.

Впервые я попал в город, где рабочий класс выступал в первых рядах. Практически все здания, и большие, и поменьше, захватили рабочие, на этих домах развевались красные или черно-красные флаги — анархистов; на всех стенах были нацарапаны серп и молот и названия революционных партий; почти все церкви были ограблены, а изображения святых сожжены. Церкви повсюду методично разрушались рабочими группами. На каждом кафе или магазине висело объявление, что оно коллективизировано, коллективизировали даже будки чистильщиков сапог, а сами будки раскрасили в красно-черный цвет. Официанты и продавцы смотрели тебе прямо в лицо и обращались как с ровней. Услужливое и даже просто вежливое обращение временно исчезло. Никто не говорил «*señior*»*, или «*don*»**, или даже «*usted*»***, все обращались друг к другу «товарищ» и на «ты» и приветствовали

* Сеньор, господин (*исп.*).

** Дон, господин (*исп.*).

*** Вы (*исп.*) — вежливое обращение.

«*salud*»* вместо «*buenos dias*»**. По новому закону запрещалось давать чаевые; одно из первых моих впечатлений — выговор, полученный мной от управляющего отелем, за попытку дать на чай лифтеру. Личных автомобилей не было видно — их конфисковали, а все трамваи, такси и прочий транспорт раскрасили в красный и черный цвета. Рядом с развешенными повсюду на стенах ярко-синими революционными плакатами все остальные малочисленные объявления казались грязной мазней. На Рамблас, широкой главной улице города, где всегда толпится народ, из громкоговорителей непрерывно, и днем и ночью, звучали революционные песни. И, что самое удивительное, именно это влекло сюда людей.

Со стороны казалось, что богатых здесь совсем не осталось. Кроме немногих женщин и иностранцев, все жители были скверно одеты. Практически все ходили в грубой рабочей одежде, или синих комбинезонах, или в подобии униформы ополченцев. Странное, трогательное зрелище! Я многого в этом не понимал, что-то меня даже раздражало, но с первого взгляда было ясно, что тут есть за что сражаться. Я верил, что все обстоит так, как кажется, и я действительно нахожусь в государстве рабочих, а буржуазия частично сбежала, частично погибла или добровольно перешла на их сторону. Мне не приходило в голову, что многие богачи просто залегли на дно, прикидываясь пролетариями.

Наряду со всем этим в воздухе витала нездоровая атмосфера войны. У города был запущенный вид — дома

---

* Привет (*исп.*).

** Добрый день (*исп.*).

обветшалые; плохо освещенные улицы — из-за страха перед вражескими налетами; полупустые, убогие магазины. Недостаток мяса, отсутствие молока, нехватка угля, сахара и бензина, и самое важное — перебои с хлебом. Даже в то время очереди за хлебом тянулись подчас на сотни ярдов. И все же бросалось в глаза, что люди радуются и верят в будущее. Безработица отсутствовала, плата за жилье оставалась низкой. По-настоящему нуждающихся людей было мало, а попрошайничали только цыгане. Все трудности преодолевались верой в революцию и счастливое будущее, возможностью разом вступить в эру равенства и свободы. Люди старались быть людьми, а не винтиками в капиталистической машине. В парикмахерских висели анархистские предупреждения (большинство брадобреев здесь анархисты), в которых торжественно объявлялось, что парикмахеры больше не рабы. Яркие уличные плакаты призывали проституток отказаться от своего ремесла. Человека из очерстневшей, ироничной среды англоязычных народов могло смешить восторженное отношение идеалистически настроенных испанцев к затасканным революционным лозунгам. Тогда на улицах за несколько сантимов продавались революционные баллады с наивным содержанием, сводившимся к пролетарскому братству и нападкам на злобного Муссолини. Я часто видел, как какой-нибудь малограмотный ополченец покупал такую балладу, с трудом разбирал ее по слогам и, наконец, поняв что к чему, начинал распевать ее под подходящую мелодию.

Все это время я жил в Ленинских казармах, вроде бы готовясь к участию в военных действиях. Когда я вступил в ополчение, меня обещали отправить на фронт уже

на следующий день, однако пришлось дожидаться набора следующей *centuria*. Рабочее ополчение, торопливо набранное профсоюзами в начале войны, еще не было организовано по армейскому принципу. Воинское соединение состояло из «секций» (около тридцати человек), «центурий» (около сотни) и «колонн» (на практике просто достаточно большое число людей).

Ленинские казармы — это квартал из красивых каменных домов, здесь есть школа верховой езды и множество мощенных булыжником внутренних дворишков. Раньше тут были кавалерийские казармы, их захватили во время июльского сражения. Центурия, в которую входил я, спала в одной из конюшен под каменными яслями, на которых сохранились клички лошадей. Всех лошадей конфисковали и отправили на фронт, но в конюшне все еще сохранялся запах конской мочи и гнилого овса. Я находился в казарме около недели. Больше всего мне запомнился неистребимый запах конюшни, надтреснутое звучание горна (все наши горнисты были любителями, и я впервые услышал настоящий звук испанского горна у оборонительного рубежа фашистов), топот тяжелых сапог во дворе казармы, невыразимо затянутые построения по солнечным морозным утрам, исступленные игры в футбол на манеже конной школы по пятьдесят человек с каждой стороны. В казарме жили не меньше тысячи мужчин и десятка два женщин, не считая жен ополченцев, которые стряпали на кухне. Женщины тоже служили в ополчении, хотя их было немного. Кстати, в первых боях они сражались бок о бок с мужчинами. Во время революции это только естественно. Но такое отношение менялось на глазах. Теперь ополченцев не пускали в

здание школы, когда у женщин проходили строевые учения, потому что мужчины смеялись и подшучивали над подругами. А ведь несколькими месяцами раньше женщина с оружием в руках не вызывала насмешек.

Казарма была грязная и запущенная, ополченцы приводили в nepотребный вид каждое занимаемое ими здание — похоже, таков побочный продукт революции. В каждом углу можно было наткнуться на завалы сломанной мебели, испорченные седла, кавалерийские латунные шлемы, пустые сабельные ножны и тухлую еду. Продукты гибли в пугающем количестве, особенно хлеб. Только из моего отделения после каждого приема пищи выбрасывали корзину хлеба — постыдная вещь, когда знаешь, что гражданским людям его не хватает. Мы ели за длинными дощатыми столами из засаленных жестяных мисок и пили из жуткой штуки под названием *porron* — стеклянного кувшина с длинным носиком. Если кувшин наклонить, из носика потечет тонкая струйка, и тогда вино можно пить на расстоянии, не прикасаясь губами к носику и передавая кувшин из рук в руки. Увидев *porron* в действии, я взбунтовался и потребовал для себя отдельную кружку. Этот сосуд напоминал мне стеклянную утку, особенно когда его наполняли белым вином.

Постепенно новобранцев снабжали униформой, но не надо забывать, что мы находились в Испании, и форма поступала по частям, так что никогда нельзя было знать, кто что получит. Многие необходимые вещи, вроде ремней и патронных ящиков, нам доставили в последний момент, когда мы чуть ли не садились в отправлявшийся на фронт поезд. Возможно, говоря об «униформе», я выразился неточно. По существу, это была не

униформа. Скорее «мультиформа». Замысел был один, но не было двух человек, которые носили бы одинаковую одежду. Практически у всех в армии были вельветовые бриджи, но на этом сходство заканчивалось. Некоторые пользовались портянками, другие надевали гетры, кто-то носил кожаные лосины или сапоги. Все куртки были на молнии, но одни — из кожи, другие — из шерсти, а уж цвета были самые разнообразные. И на каждом ополченце — свой, неповторимый головной убор, обычно украшенный партийным значком. Кроме того, почти каждый мужчина носил на шее красный или черно-красный платок. В то время колонна ополченцев со стороны воспринималась как разношерстный сброд. Но обмундирование все же поступало — в том виде, каким его шила фабрика, и, учитывая обстоятельства, оно было не таким уж плохим. Хлопчатобумажные рубашки и носки имели жалкий вид и совсем не предохраняли от холода. Не хочется даже думать, через что пришлось пройти ополченцам в первые месяцы революции, когда ничего не было толком организовано. Помнится, еще два месяца назад я прочел в газете слова одного из лидеров ПОУМ*, побывавшего на фронте: он обещал лично проследить, чтобы у «каждого милиционера было одеться». Каждый, кто когда-нибудь спал в окопе, содрогнется от этих слов.

На второй день моего пребывания в казарме началось то, что можно в шутку назвать «обучением». Вна-

---

* Partido Obrero de Unificación Marxista — Рабочая партия марксистского единства, образована 29 сентября 1935 г. в Барселоне. Политическая программа ПОУМ во многом основывалась на теории Льва Троцкого о перманентной революции.

чале царил полный хаос. Среди новобранцев преобладали юноши шестнадцати-семнадцати лет с окраин Барселоны, их переполнял революционный азарт, но они не имели никакого представления о военных действиях. Даже построить в одну линию их было невозможно. Понятия дисциплины для этих ребят не существовало. Если кому-то из них не нравился приказ, он просто выходил из строя и начинал яростно спорить с офицером. Инструктировавший нас лейтенант — крепкий молодой человек с чистым, приятным лицом — раньше служил в регулярной армии, что было видно по его выправке и по опрятной униформе. Удивительно, но он был убежденный и пылкий социалист. Лейтенант настаивал на полном социальном равенстве даже больше, чем его подчиненные. Помню, как его огорчило, когда несведущий новобранец назвал его «сеньором». «Что? Сеньор? Какой я тебе сеньор? Разве мы все здесь не товарищи?» Сомневаюсь, что такое отношение облегчало его работу. Между тем новобранцы не приобретали тех необходимых военных навыков, которые могли бы помочь им в деле. Мне сказали, что иностранцам не обязательно посещать «инструктаж» (похоже, испанцы искренне убеждены, что все иностранцы бóльшие знатоки в военном деле, чем они сами), но я, само собой, ходил на занятия вместе со всеми. Я очень хотел освоить пулемет, с этим оружием мне никогда не приходилось обращаться. Какое же было мое разочарование, когда я узнал, что обращение с оружием не входит в программу подготовки. «Инструктаж» сводился к давно устаревшей, примитивной муштре на плацу — поворот направо, поворот налево, кругом, хождение строевым шагом по трое в